

Художественная литература и публицистика

ЧЕЛОВЕК

И. С. Тургенев

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

(Отрывок)

*М*оя « страсть » началась с того дня. Я, помнится, почувствовал тогда нечто подобное тому, что должен почувствовать человек, поступивший на службу: я уже перестал быть просто молодым мальчиком; я был влюбленный. Я сказал, что с того дня началась моя страсть; я бы мог прибавить, что и страдания мои начались с того же самого дня. Я изнывал в отсутствие Зинаиды: ничего мне на ум не шло, всё из рук валилось, я по целым дням напряженно думал о ней... Я изнывал... но в ее присутствии мне становилось не легче. Я ревновал, я сознавал свое ничтожество, я глупо дулся и глупо работал — и всё-таки непреодолимая сила влекла меня к ней — и я всякий раз с невольной дрожью счастья переступал порог ее комнаты. Зинаида тотчас же догадалась, что я в нее влюбился, да я и не думал скрываться; она потешалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня. Сладко быть единственным источником, самовластной и безответной причиной величайших радостей и глубочайшего горя для другого — а я в руках Зинаиды был как мягкий воск. Впрочем, не я один влюбился в нее: все мужчины, посещавшие ее дом, были от нее без ума — и она их всех держала на привязи — у своих ног. Ее забавляло возбуждать в них то надежды, то опасения, вертеть ими по своей прихоти (это она называла: стукнуть людей друг о друга) — а они и не думали сопротивляться и охотно покорялись ей. Во всем ее существе, живучем и красивом, была какая-то особенно обаятельная смесь хитрости и беспечности, искусственности и простоты, тишины и ревности; над всем, что она делала, говорила, над каждым ее движением носилась тонкая, легкая прелест, во всем сказывалась своеобразная, играющая сила. И лицо ее беспрестанно менялось, играло тоже: оно выражало, почти в одно и то же время, — насмешливость, задумчивость и страстность. Разнообразнейшие чувства, легкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебегали то и дело по ее глазам и губам.

Каждый из ее поклонников был ей нужен. Беловзоров, которого она иногда называла «мой зверь», а иногда просто «мой», — охотно кинул бы за нее в огонь; не надеясь на свои умственные способности и прочие достоинства, он все предлагал ей жениться на ней, намекая на то, что другие только болтают. Майданов отвечал поэтическим струнам се души: человек довольно холодный, как почти все сочинители, он напряженно уверял ее, а может быть и себя, что он ее обожает, воспевал ее в нескончаемых стихах и читал их ей с каким-то и неестественным и искренним восторгом. Она и сочувствовала ему и чуть-чуть трунила над ним; она плохо ему верила и, наслушавшись его излияний, заставляла его читать Пушкина, чтобы, как она говорила, очистить воздух. Лушин, насмешливый, цинический на словах доктор, знал ее лучше всех — и любил ее больше всех, хотя бранил ее за глаза и в глаза. Она его уважала, но не спускала ему — и подчас с особенным, злорадным удовольствием давала ему чувствовать, что и он у ней в руках. «Я кокетка, я без сердца, я актерская натура,—сказала она ему однажды в моем присутствии,— а, хорошо! так подайте же вашу руку, я воткну в нее булавку, вам будет стыдно этого молодого человека, вам будет больно, а все-таки вы, господин правдивый человек, извольте смеяться». Лушин покраснел, отворотился, закусил губы, но кончил тем, что подставил руку. Она его уколола, и он точно начал смеяться... и она смеялась, запуская довольно глубоко булавку и заглядывая ему в глаза, которыми он напрасно бегал по сторонам...

Хуже всего я понимал отношения, существовавшие между Зинаидой и графом Малевским. Он был хорош собою, ловок и умен, но что-то сомнительное, что-то фальшивое чудилось в нем даже мне, шестнадцатилетнему мальчику, и я дивился тому, что Зинаида этого не замечает. А может быть, она и замечала эту фальшивь и не гнушилась ею. Неправильное воспитание, странные знакомства и привычки, постоянное присутствие матери, бедность и беспорядок в доме, все, начиная с самой свободы, которую пользовалась молодая девушка, сознания ее превосходства над окружавшими ее людьми, развило в ней какую-то полуупротивительную небрежность и невзыскательность. Бывало, что ни случится — придет ли Вонифатий доложить, что сахару нет, выйдет ли наружу какая-нибудь дрянная сплетня, поссорятся ли гости, — она только кудрями встряхнет, скажет: пустяки! — и горя ей мало.

Зато у меня, бывало, вся кровь загоралась, когда Малевский подойдет к ней, хитро покачиваясь, как лиса, изящно обопрется на спинку ее стула и начнет шептать ей на ухо с самодовольной и заискивающей улыбкой, — а она скрестит руки на груди, внимательно глядит на него и сама улыбается и качает головой.

Л. Ф. Толстой

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

(Отрывок)

Они играли Крейцерову сонату Бетховена. Знаете ли вы первое престо? Знаете?! - вскрикнул он. - У!.. Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом, - вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижющим душу образом. Кат вам сказать? Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, на свое положение: мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу. Я объясняю это тем, что музыка действует, как зевота, как смех: мне спать не хочется, но я зеваю, глядя на зевающего, смеяясь не о чем, но я смеюсь, слыши смеющегося.

Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душою и вместе с ним переношуся из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю. Ведь тот, кто писал хоть бы Крейцерову сонату, - Бетховен, ведь он знал, почему он находился в таком состоянии, - это состояние привело его состояние имело смысл, для меня же никакого. И потому музыка только раздражает, не кончает. Ну, марш воинственный сыгают, солдаты пройдут под марш, и музыка дошла; сыграли плясовую, я проплясал, музыка дошла; ну, пропели мессу, я причастился, тоже музыка дошла, а то только раздражение, а того, что надо делать в этом раздражении, - нет. И оттого музыка так страшно, так ужасно иногда действует. В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом бы делал с ними что хочет. И главное, чтобы этим гипнотизером был первый попавшийся безнравственный человек.

А то страшное средство в руках кого попало. Например, хоть бы эту Крейцерову сонату, первое престо. Разве можно играть в гостиной среди декольтированных дам это престо? Сыграть и потом похлопать, а

потом есть мороженое и говорить о последней сплетне. Эти вещи можно играть только при известных важных, значительных обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные, соответствующие этой музыке важные поступки. Сыграть и сделать то, на что настроила эта музыка. А то несответственное ни месту, ни времени вызывание энергии, чувства, ничем не проявляющегося, не может не действовать губительно. На меня, по крайней мере, весть эта подействовала ужасно; мне как будто открылись совсем новые, казалось мне, чувства, новые возможности, о которых я не знал до сих пор. Да вот как, совсем не так, как я прежде думал и жил, а вот как, как будто говорилось мне в душе. Что такое было то новое, что я узнал, я не мог себе дать отчета, но сознание этого нового состояния было очень радостно. Все те же лица, и в том числе и жена и он, представлялись совсем в другом свете.

После этого престо они доиграли прекрасное, но обыкновенное, не новое *andante* с пошлыми варьациями и совсем слабый финал. Потом еще играли по просьбе гостей то элегию Эрнста, то еще разные вещицы. Все это было хорошо, но все это не произвело на меня и 0,01 того впечатления, которое произвело первое. Все это происходило уже на фоне того впечатления, которое произвело первое. Мне было легко, весело весь вечер. Жену же я никогда не видал такою, какою она была в этот вечер. Эти блестящие глаза, эта строгость, значительность выражения, пока она играла, и эта совершенная растаянность какаято, слабая, жалкая и блаженная улыбка после того, как они кончили. Я все это видел, но не приписывал этому никакого другого значения, кроме того, что она испытывала то же, что и я, что и ей, как и мне, открылись, как будто вспомнились, новые, неиспытанные чувства. Вечер кончился благополучно, и все разъехались.

А. П. Чехов

ПАЛАТА № 6

(Отрывок)

В больничном дворе стоит небольшой флигель, окруженный целым лесом репейника, крапивы и дикой конопли. Крыша на нем ржавая, труба наполовину обвалилась, ступеньки у крыльца скнили и поросли травой, а от штукатурки остались одни только следы. Передним фасадом обращен к больнице, задним – глядит в поле, от которого отделяет его серый больничный забор с гвоздями. Эти гвозди, обращенные остриями кверху, и забор, и самий флигель имеют тот особы унылый, окаянный вид, какой у нас бывает только у больничных и тюремных построек.

Если вы не боитесь ожечься о крапиву, то пойдемте по узкой тропинке, ведущей к флигелю, и посмотрим, что делается внутри. Отворив первую дверь, мы входим в сени. Здесь у стен и около печки навалены целые горы больничного хлама. Матрацы, старые изодранные халаты, панталонь, рубахи с синими полосками, никуда не годная, истасканная обувь – вся эта рвань свалена в кучки, перемята, спуталась, гниет и издает удешливый запах.

На хламе всегда с трубкой в зубах лежит сторож Никита, старый отставной с порыжелыми нашивками. У него суровое, испитое лицо, нависшие брови, придающие лицу выражение степной овчарки, и красный нос: он невысок ростом, на вид сухощав и жилист, но осанка у него внушительная и кулаки здоровенные. Принадлежит он к числу тех простодушных, положительных, исполнительных и тупых людей, которые больше всего на свете любят порядок и потому убеждены, что их надо бить. Он бьет по лицу, по груди, по спине, по чем попало и еверен, что без этого не было бы здесь порядка.

Далее вы входите в большую, просторную комнату, занимающую весь флигель, если не считать сеней. Стены здесь вымазаны грязно-голубую краской, потолок закопчен, как в курной избе, – ясно, что здесь зимой дымят печи и бывает угарно. Окна изнутри обезображены железными решетками. Пол сер и занозит. Воняет кислою капустой, фитилью гарью, клопами и аммиаком, и эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец.

В комнате стоят кровати, привинченные к полу. На них сидят и

лежат люди в синих больничных халатах и, по-старинному, в колпаках. Это – сумасшедшие.

Всех их здесь пять человек. Только один благородного звания, остальные же все мещане. Первый от двери, высокий худощавый мещанин с рыжими блестящими усами и заплаканными глазами, сидит, подперев голову, и глядит в одну точку. День и ночь он грустит, покачивая головой, вздыхая и горько улыбаясь; в разговорах он редко принимает участие и на вопросы обыкновенно не отвечает. Ест и пьет он машинально, когда дают. Судя по мучительному, бьющему кашлю, худобе и румянцу на щеках, у него начинается чахотка.

За ним следует маленький, живой, очень подвижной старик с острою бородкой и с черными, кудрявыми, как у негра, волосами. Днем он прогуливается по палате от окна к окну или сидит на своей постели, поджав по-турецки ноги, и неугомонно, как снегирь, насвистывает, тихо поет и хихикает. Детскую веселость и живой характер проявляет он и ночью, когда встает затем, чтобы помолиться богу, то ест постучать себя кулаками по груди и поковырять пальцем в дверях. Это жид Мойсейка, дурачок, помешавшийся лет двадцать назад, когда у него сгорела шапочная мастерская.

Из всех обитателей палаты № 6 только ему одному позволяет выходить из флигеля и даже из больничного двора на улицу. Такой привилегией он пользуется издавна, вероятно, как больничный старожил и как тихий, безвредный дурачок, городской шут, которого давно уже привыкли видеть на улицах окруженным мальчишками и собаками. В халатишке, в смешном колпаке и в туфлях, иногда босиком и даже без панталон, он ходит по улицам, останавливаясь у ворот и лавочек, и просит копеечку. В одном месте дадут ему квасу, в другом – хлеба, в третьем – копеечку, так что возвращается он во флигель обыкновенно сытым и богатым. Все, что он приносит с собой, отирает у него Никита в свою пользу. Делает это солдат грубо, с сердцем, выворачивая карманы и призывая бога в свидетели, что он никогда уже не станет пускать жида на улицу и что беспорядки для него хуже всего на свете.

Мойсейка любит усердствовать. Он подает товарищам воду, укрывает их, когда они спят, обещает каждому принести с улицы по копеечке и спицать по новой шапке; он же кормит с ложки своего соседа с левой стороны, паралитика. Поступает он так не из сострадания и не из каких-либо соображений гуманного свойства, а подражая и невольно подчиняясь своему соседу с правой стороны, Громову.

Иван Дмитрич Громов, мужчина лет тридцать трех, из благородных,

бывший судебный пристав и губернский секретарь, страдает манией преследования. Он или лежит на постели, свернувшись калачиком, или же ходит из угла в угол, как бы для мотиона, сидит же очень редко. Он всегда возбужден, взволнован и напряжен каким-то смутным, неопределенным ожиданием.

Достаточно малейшего шороха в сенях или крика на дворе, чтобы он поднял голову и стал прислушиваться: не за ним ли это идут? Не его ли ищут? И лицо его при этом выражает крайнее беспокойство и отвращение.

Мне нравится его широкое, скучающее лицо, всегда бледное и несчастное, отражающее в себе, как в зеркале, замученную борьбой и продолжительным страхом душу. Гrimасы его странны и болезнены, но тонкие черты, положенные на его лицо глубоким искренним страданием, разумны и интеллигентны, и в глазах теплый, здоровый блеск. Нравится мне он сам, вежливый, услужливый и необыкновенно деликатный в обращении со всеми, кроме Никиты. Когда кто-нибудь роняет пуговку или ложку, он быстро вскакивает с постели и поднимает. Каждое утро он поздравляет своих товарищей с добрым утром, ложась спать – желает им спокойной ночи.

Кроме постоянно напряженного состояния и гримасничанья, сумасшествие его выражается еще в следующем. Иногда по вечером он запахивается в свой халатик и, дрожа всем телом, стуча зубами, начинает быстро ходить из угла в угол и между кроватей. Похоже на то, как будто у него сильная лихорадка. По тому, как он внезапно останавливается и взглядывает на товарищей, видно, что ему хочется сказать что-то очень важное, но, по-видимому, соображая, что его не будут слушать или не поймут, он нетерпеливо встремливает головой и продолжает шагать. Но скоро желание говорить берет верх над всякими соображениями, он дает себе волю и говорит горячо и страстно. Речь его беспорядочна, лихорадочна, как бред, порывиста и не всегда понятна, но за то в ней слышится, и в словах и в голосе, что-то чрезвычайно хорошее. Когда он говорит, вы узнаете в нем сумасшедшего человека. Трудно передать на бумаге его безумную речь. Говорит он о человеческой подлости, о насилии, попирающем правду, о прекрасной жизни, какая со временем будет на земле, об оконных решетках, напоминающих ему каждую минуту о тупости и жестокости насильников. Получается беспорядочное, нескладное попурри из старых, но еще не допетых песен.

Избранные произведения, Киев, 1975 г.

А. И. Куприн

ГРАФАТОВЫЙ БРАСЛЕТ

(Отрывок)

*L. van Beethoven. 2 Son, (op.2, №2),
Зарко Аппассионато*

В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи. То задувал с северо-запада, со стороны степи свирепый ураган; от него верхушки деревьев раскачивались, пригибаясь и выпрямляясь, точно волны в бурю, гремели по ночам железные кровли дач, и казалось, будто кто-то бегает по ним в подкованных сапогах, вздрагивали оконные рамы, хлопали двери, и дико завывало в печных трубах. Несколько рыбачьих баркасов заблудилось в море, а два и совсем не вернулись: только спустя неделю повыбрасывало трупы рыбаков в разных местах берега.

Обитатели пригородного морского курорта — большей частью греки и евреи, жизнелюбивые и мнильные, как все южане,— поспешно перебирались в город. По размякшему шоссе без конца тянулись ломовые дороги, перегруженные всяческими домашними вещами: туфлями, диванами, сундуками, стульями, умывальниками, самоварами. Жалко, и грустно, и противно было глядеть сквозь мутную кисею дождя на этот жалкий скарб, казавшийся таким изношенным, грязным и нищенским; на горничных и кухарок, сидевших на верху воза на мокром брезенте с какими-то утогами, жестянками и корзинками в руках; на запотевших, обессилевших лошадей, которые то и дело останавливались, дрожа коленями, дышась и часто нося боками; на сипло ругавшихся дрогалей, закутанных от дождя в рогожи. Еще печальнее было видеть оставленные дачи с их внезапным простором, пустотой и оголенностью, с изуродованными клумбами, разбитыми стеклами,

брошенными собаками и всяческим дачным сором из окурков, бумажек, черепков, коробочек и аптекарских пузырьков.

Но к началу сентября погода вдруг резко и совсем нежданно переменилась. Сразу наступили тихие безоблачные дни, такие ясные, солнечные и теплые, каких не было даже в июле. На обсохших сжатых полях, на их колючей желтой щетине блестела слюдяным блестком осенняя паутина. Успокоившиеся деревья бесшумно и покорно роняли желтые листья.

Княгиня Вера Николаевна Шеина, жена предводителя дворянства, не могла покинуть дачи, потому что в их городском доме еще не покончили с ремонтом. И теперь она очень радовалась наступившим прелестным дням, тишине, уединению, чистому воздуху, щебетанью на телеграфных проволоках ласточек, стаившихся к отлету, и ласковому солнечному ветерку, слабо тянувшему с моря.

II

Кроме того, сегодня был день ее именин — 17 сентября. По милым, отдаленным воспоминаниям детства она всегда любила этот день и всегда ожидала от него чего-то счастливо чудесного. Муж, уезжая утром по спешным делам в город, положил ей на ночной столик футляр с прекрасными серьгами из грушевидных жемчужин, и этот подарок еще больше веселил ее.

Она была одна во всем доме. Ее холостой брат Николай, товарищ прокурора, живший обыкновенно вместе с ними, также уехал в город, в суд. К обеду муж обещал привезти немногих и только самых близких знакомых. Хорошо выходило, что именины совпадали с дачным временем. В городе пришлось бы тратиться на большой парадный обед, пожалуй даже на бал, а здесь, на даче, можно было обойтись самыми небольшими расходами. Князь Шеин, несмотря на свое видное положение в обществе, а может быть, и благодаря ему, едва сводил, концы с концами. Огромное родовое имение было почти совсем расстроено его предками, а жить приходилось выше средств: делать приемы, благотворить, хорошо одеваться, держать лошадей и т. д. Княгиня Вера, у которой прежняя страстная любовь к мужу давно уже перешла в чувство прочной, верной, истинной дружбы, всеми силами старалась помочь князю удержаться от полного разорения. Она во многом, незаметно для него, отказывала себе и, насколько возможно, экономила в домашнем хозяйстве.

Теперь она ходила по саду и осторожно срезала ножницами цветы к обеденному столу. Клумбы опустели и имели беспорядочный вид.

о том, как складывалась ее жизнь после смерти отца, о своей службе в санитарном отряде на западном и турецком фронтах в первую мировую войну, о трудах и мытарствах в послереволюционное время, встречах с Луначарским, Менжинским, Калининым, Сталиным, о путешествии по Японии и “первых шагах в Америке”... В этой книге А. Л. Толстая в полной мере проявила свою яркую художественную индивидуальность.

С эмигрантским бытием Александра Львовна так и не смогла примириться. Жила на своей ферме “по-яспополянски” – просто, скромно, работала на поле... “Что-то еще оставалось в ней от той, в пенсне на цепочке, толстоносой, перетянутой широким поясом с огромной пряжкой”, - вспоминала не раз гостившая у нее Н. Берберова (Н. Берберова. Курсив мой. Мюнхен. 1972). К сожалению, после 1948 года, когда на страницах наших газет развернулась злобная клеветническая кампания против дочери писателя (с обычными для той поры обвинениями в измене, шпионаже и тому подобном), все ее связи с родиной оборвались. Произведения Александры Львовны у нас не издавались, само ее имя до недавнего времени было под запретом. Лишь незадолго до ее смерти (1979) начали устанавливаться какие-то контакты. “Мне тяжело, - писала А. Л. Толстая в ответ на приглашение принять участие в праздновании ста пятидесятилетия со дня рождения Толстого в 1978 году, - что в эти драгоценные для меня дни я не могу быть с вами, с моим народом и на русской земле. Мысленно я никогда с вами не расстаюсь”. В то время Александра Львовна была уже тяжело больна...

Публикуемый очерк (Новый мир, 1988, №11) был напечатан в парижском журнале “Современные записки” (1981, № 45, 46) под названием “Из воспоминаний”. О своем детстве и отрочестве остались воспоминания и Сергей и Илья, и Татьяна Толстые, но они рисовали картину жизни ребенка и подростка в счастливой и гармоничной семье, с нежной матерью и внимательно-заботливым отцом. Александра Львовна выросла совсем в другой атмосфере, в ситуации семейного разлада, несогласия. Детский взгляд выхватил самые характерные детали жизни большой семьи Толстых в этот сложный и мучительный для нее период. А. Л. Толстая больше рассказывает о себе, но ей удалось сказать о многом. Мемуары младшей дочери великого писателя переносят нас в толстовский дом, дают возможность услышать гул голосов многочисленных обитателей и познать счастье общения с необыкновенным человеком, предстающим на этих страницах во всей своей духовной значительности.

Новый мир, №11, М., 1988

СОДЕРЖАНИЕ

I. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Человек

1.1. И. С. Тургенев. Первая любовь (отрывок).....	5
1.2. Л. Н. Толстой. Крейцерова соната (отрывок).....	7
1.3. А. П. Чехов. Палата № 6 (отрывок).....	9
1.4. А. И. Куприн. Гранатовый браслет (отрывок).....	12
1.5. М. Горький. Варенька Олесова (отрывок).....	16
1.6. А. Грин. Возвращенный ад (отрывок).....	18
1.7. Ю. Яковлев. Мой знакомый Бегемот.....	20
1.8. М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (отрывок).....	24
1.9. А. М. Ремизов. Бабушка.....	29
1.10. А. Солженицын. Раковый корпус - I (отрывок).....	31
1.11. В. Зацепин. Он и она.....	39

2. Забота о человеке

2.1. А. Солженицын. Раковый корпус - II (отрывок).....	42
2.2. В. Токарева. Центровка.....	53
2.3. В. Е. Насущенко. И окликнул Господь.....	66
2.4. Ф. Ф. Федоров. Выбирая принцессу, поговори с генами.....	80

3. Просвещение. Образование

3.1. А. Нефедов. И в славный день Татьяны.....	84
3.2. М. Александрова. Праздник.....	87
3.3. В. П. Петров. Компьютерный праздник.....	94
3.4. 1988. Тысячелетие.....	95
3.5. А. Солженицын. Август четырнадцатого (отрывок).....	98
3.6. Вл. Резниченко. Образование в России.....	103

4. Искусство. Культура

4.1. В. И. Кандинский. О духовном в искусстве.....	106
4.2. М. М. Пришвин. Венецианская люстра ((отрывок)).....	109
4.3. И. е. Репин. Тернистый путь.....	111
4.4. А. М. Ремизов. Камертон.....	115
4.5. М. А. Рошин. Сад непрерывного цветения.....	116
4.6. И. Андроников. Пари Шаляпина.....	119
4.7. Н. Я. Дараган. Откуда пришли названия нот?.....	121
4.8. Т. Синицына. Десятки жизней, прожитые с блеском.....	123
4.9. М. Ходаков. По одежде не суди, по делам гляди.....	127

5. Город

5.1. Р. Лапик, Ю. Рязанский. Гибель империи: трагедия или счастливый случай.....	131
5.2. А. Грин. Земля и вода (отрывок).....	135
5.3. Л. Алешина. Автоматы наши друзья.....	138
5.4. В. Резниченко. Санкт-Петербург.....	141
5.5. А. Аверченко. Русское искусство.....	143

6. Природа

6.1. Вл. И. Солоухин. Этюды о природе.....	146
6.2. Вл. И. Солоухин. Третья охота.....	151

II. МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. М. И. Цветаева. Воспоминания об Андрее Белом.....	157
2. В. Н. Набоков. Предисловие к "Герою нашего времени".....	160
3. С. П. Залыгин. О Твардовском.....	170
4. А.М. Ремизов. Узлы и закрутки (отрывок).....	174
5. А.Л. Толстая. Младшая дочь.....	182

РУССКОЕ СЛОВО

*Гигова, В., Иванова, Д., Крекманска, Т., Стоянова, Т.,
Велева, Р., Щерева, Р., составители*

Рецензент: Доц. Светла Велкова

Технически редактор Крум Михайлов

Корица Христо Шапкарев. Картината е на Ст. Стоянов

Тираж 250 Формат 16/60/84 Печ. коли 11.6

Пореден № 10 от утвърдения тематичен план за 2000 г.

Учебникът е одобрен от МОН с протокол № 35/20. IV. 2000 г.